

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.102.115>

ПРЕДМЕТЫ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ СВЯТИЛИЩА КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ

© 2024 г. А.Ф. Шорин, А.А. Шорина

В статье рассматриваются предметы мелкой пластики, найденные в культурных слоях комплекса памятников «святилище Кокшаровский холм – Юрьинское поселение», расположенного в горно-лесной зоне Среднего Зауралья. Памятник содержит артефакты эпох неолита, энеолита, поздней бронзы, средневековья. Но основная часть коллекции включает в себя изделия из глины и камня эпохи неолита, известные в литературе как «утюжки» или поперечно-желобчатые изделия, артефакты сферической и биконической форм, орнитоморфную и зооморфную пластику, в том числе рельефные налепы на сосудах, тальковые стержни сегментовидной формы с насечками и без, сверленная каменная булава, обломок сланцевого шлифованного ножа, обушковая часть которого оформлена в виде орнитоморфного изображения, кремневые и шлифованные наконечники стрел, глиняные диски без отверстия и др. Часть этих артефактов могут считаться культовыми, т.к., вполне вероятно, что они были задействованы в ритуалах, проводимых на святилище, которое, имело, видимо, статус межрегионального культового центра.

Ключевые слова: археология, неолит, святилище, глиняная пластика, каменная пластика, рельефные налепы на сосудах, зооморфные образы, орнитоморфные образы, тальковые стержни с насечками.

MOBILIARY ART OBJECTS FROM THE KOKSHAROVSKI KHOLM SANCTUARY

A.F. Shorin, A.A. Shorina

The article deals with mobiliary art objects found in the cultural layers of the complex of archaeological sites "Koksharovskiy Kholm sanctuary – Yuryinskoye settlement", located in the mountain forest zone of the Middle Trans-Urals. The archaeological site contains artifacts from the Neolithic, Chalcolithic, Late Bronze Age, and Middle Ages. But the main part of the collection includes artifacts, made of clay and stone, from the Neolithic, known in the literature as cross-grooved items, spherical and biconical findings, ornithomorphic and zoomorphic artefacts, including plastic on vessels, talc rods of segmented shape with and without impression, a drilled stone mace, a fragment of a polished slate knife, back part of which is designed in the form of an ornithomorphic image, flint and ground arrowheads, clay disks without a hole, etc. Some of these artifacts can be considered as cultic ones, because, it is likely that they were used in the rituals held on the sanctuary, which apparently had the status of an interregional cult center.

Keywords: archaeology, Neolithic, sanctuary, clay and stone mobiliary art objects, plastic on vessels, zoomorphic and ornithomorphic images, talc rods with impression.

Кокшаровский холм возведен в центре неолитического поселения на одном из мысов южного берега Юрьинского озера в Верхнесалдинском городском округе Свердловской области. Это горно-лесная зона Среднего Зауралья. Святилище функционировало на протяжении эпохи неолита (вторая половина или самое начало третьей четверти VII – первая половина V тыс. до н. э. в калиброванных значениях дат), затем посещалось в эпохи энеолита (последняя четверть V тыс. до н. э.), позднего бронзового века (середина – вторая половина II тыс. до н. э.) и раннего Средневековья (вторая половина I тыс. до н. э.) (Шорин,

2007; Шорин, Зыков, Вилисов, 2013; Шорин, Шорина, 2018, 2021). На трактовку памятника в качестве святилища указывают несколько факторов.

Самым заметным маркером сакрального пространства святилища являлась его насыпная площадка, созданная искусственным путем, на которой и производились культовые действия. Она насыпана в несколько приемов, поэтому памятник и представляет собой возвышенность, гору, холм диаметром около 40 м. Для того чтобы площадка подготавливаемого святилища на неровной поверхности мыса была горизонтальной, т. е. удобной

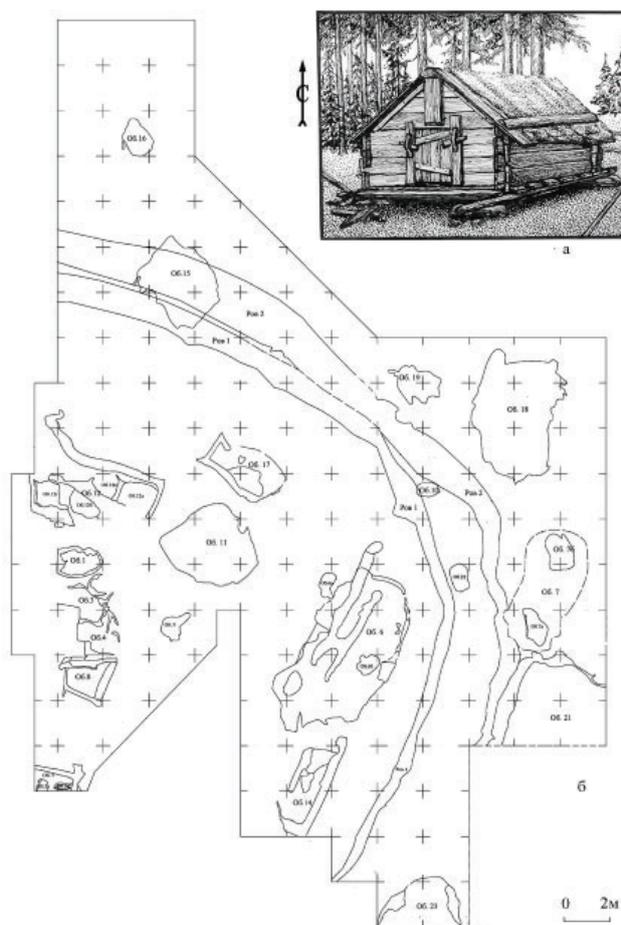

Рис. 1. План расположения объектов и возможности интерпретации объектов Кокшаровского холма:
 а – культовый амбарчик коренных народов Урала;
 б – план расположения объектов и рвов.

Fig. 1. Location of objects and the possibility of interpreting the objects of the Koksharovski Kholm:
 а – the cult barn of the indigenous peoples of the Urals;
 б – location of objects and moats.

для установки культовых объектов, высота этих подсыпок достигает 1 м в южной, более возвышенной части и 3,5 м в северной, на краю мыса.

Границы сакрального пространства святилища раннего этапа его функционирования маркировал также первый ров шириной 1,2–1,4 м и глубиной около 0,7 м (рис. 1: б).

На сакральном пространстве святилища в раннем неолите (вторая половина или самое начало третьей четверти VII–VI тыс. до н. э.), а с эти периодом связано население кошкинской и кошаровско-юрьинской культур (рис. 2: 1, 2), функционировали объекты, интерпретируемые как домики для прикладов-жертвоприношений¹. Они прямоугольной формы размером около 2×2 м, а иногда и более – около 5×5 м (рис. 1: б). Ряд из них несет следы воздействия огня. В некоторых (или рядом) фиксируются один-два перевернутых вверх дном сосуда. Интересно отметить, что в одном из таких сосудов обнаружено ожерелье из мелких плодов (орешков) травянистого растения воробейник лекарственный (*Litho-*

spermum officinalis L. – лат. «каменное семя») семейства Бурачниковые (*Borraginaceae*) (рис. 3: 7). Ожерелье из таких же семян найдено в захоронении, совершенном у подножия насыпного святилища Усть-Вагильский холм; правда, погребение датировано эпохой энеолита (Панина, 2015).

На поздненеолитическом этапе функционирования памятника (конец VI – первая половина V тыс. до н. э.), а с этим периодом связано население басьяновской и полуденской культур, маркеры и границы сакрального пространства претерпели определенные изменения. Достоверно не ясно, какие обрядовые действия здесь производило население этих культур, т. к. полуденских культовых построек не найдено, а одна басьяновская могла носить не только культовый, но и производственный характер. Однако посуда данных культур в материалах памятника присутствует: полуденская в большем, басьяновская в меньшем количестве (рис. 2: 4, 5). Вполне вероятно, что именно в полуденское время был выкопан второй ров шириной 0,9–1,3 м и глубиной не более 70 см (рис. 1: б), т. к. внутри его и рядом, у внешнего края, отмечены развалы сосудов полуденской культуры. Эти факты, кстати, скорее всего, фиксируют и существенную эволюцию в сакральных действиях поздненеолитических коллективов в сравнении с их предшественниками (см. подробнее: Шорин, 2010, с. 35).

На то, что памятник является святилищем, указывает и наличие в его материалах неординарных артефактов, которые исследователи обычно относят к категории ритуальных приношений-прикладов. Таких категорий вещей немного, и не все они могут быть достоверно связаны с той или иной группой населения, отправляющей культовые действия на Кокшаровском холме. Прежде всего это фрагменты сосудов с рельефными изображениями.

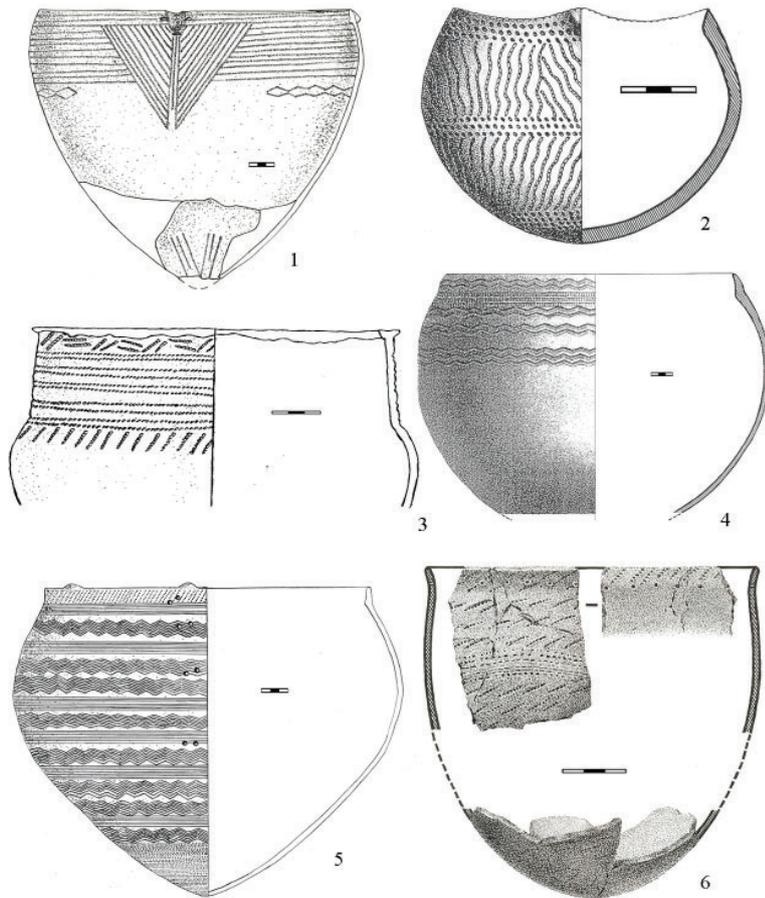

Рис. 2. Керамика Кокшаровского холма: 1 – кошкинская культура (неолит); 2 – кокшаровско-юрьинская культура (неолит); 3 – батырская культура (средневековье); 4 – басьяновская культура (неолит); 5 – полуденская культура (неолит); 6 – аятская культура (энеолит).

Fig. 2. Pottery of the Koksharovskiy Kholm: 1 – Koshkino culture (Neolithic); 2 – Koksharovskiy-Yuryinskoye culture (Neolithic); 3 – Batyr culture (the Middle Ages); 4 – Basianovsk culture (Neolithic); 5 – Poludenka culture (Neolithic); 6 – Ayat culture (Eneolithic).

Их анализу посвящено уже несколько статей (Носкова, Шорин, 2007; Шорин, Шорина, 2016), поэтому кратко напомним те атрибуты, что позволяют относить эти артефакты к культурным.

Коллекция памятника к настоящему моменту представлена 109 фрагментами керамики с фигурными налепками не более чем от 90 сосудов трех культурных типов: кокшаровско-юрьинского – 31 емкость (рис. 2: 2; 4: 1), кошкинского – 17 (рис. 2: 1; 3: 1, 2, 5), полуденского – 4 сосуда (рис. 3: 3)². На одном сосуде изображение передано только наколами по краю венчика без фигурного оформления (рис. 4: 5). Это самая крупная из известных коллекций подобных сосудов³. Рельефные выступы на них, размеры которых по ширине и высоте варьируются в диапазоне от 6 до 26 мм, обычно фиксируются с внешней, редко с внутренней стороны (соответственно 80 и 6) емкостей (рис. 3: 1, 4; 4: 4, 8); но на одной они нанесены с двух сторон: с лицевой наколами, с внутренней – налепом в сочетании с наколами (рис. 3: 6). В большинстве случаев они изображают морду или нос существа. Но на некоторых из них дополнительными наколами обозначены

глаза (рис. 4: 3) и/или рот (рис. 4: 7), причем нередко они вписывались в основную орнаментальную схему сосуда (рис. 4: 2, 9).

Из этой коллекции сосудов Кокшаровского холма резко выбиваются 3 экз. Один из них – это целая миниатюрная неорнаментированная емкость с рельефной ручкой-налепом, в перевернутом положении напоминающей голову хищной птицы, возможно совы или филина (рис. 5: 3). Найден в кошкинском жилище и мог использоваться в культовых целях, например, для разлива (раздачи) каких-то особо значимых ритуальных напитков, благовоний и т. п. Два других – это фрагмент кошкинского сосуда с изящной изогнутой ручкой и обломок ручки без орнамента в виде головок уток, может быть, пеганки и кряквы (рис. 3: 8; 5: 11). Отметим, что сосуды с рельефными ручками в виде головок птиц встречаются, но нечасто, в древних культурах как Евразии, так и Америки (см. например: Молодин и др., 2011; Andreescu et al, 2011, fig. 6: 6; Nepp, 2007, p. 179, № 32). В торфяниковых же памятниках лесной зоны Зауралья, Восточной и Северной Европы определенные стилистические ассоциации подобным артефактам усматриваются

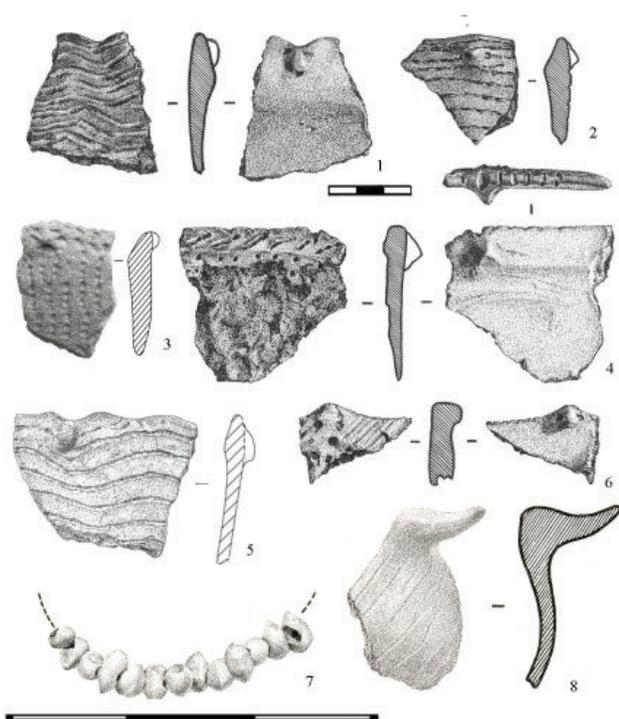

Рис. 3. Керамика с фигурными налепами и бусы из семян: 1-6, 8 – фрагменты сосудов с рельефными налепами; 7 – бусы из семян растений.

Fig. 3. Pottery with relief plastics and seed beads: 1-6, 8 – fragments of vessels with relief plastics; 7 – seed beads.

1990). На святилищах хантов среди прикладов встречаются фигурки гуся, который нередко изображался с раскрытыми крыльями (Карьялайнен, 1995, с. 138), а у ненцев – мифическая птица минлей (изображалась в виде летящей водоплавающей птицы), которая являлась помощником шамана при его полете в Верхний мир (Лар, 2003, с. 85, 101). Вообще, образ птицы, особенно водоплавающей, у коренных народов Урала играет исключительную роль и в сюжетах, связанных с мифологической картиной мира.

Символы в виде объемных налепов на горловине сосудов имеют разную трактовку: тотемные или предковые зооморфного и орнитоморфного содержания, символы-обереги или маркеры содержимого емкости сосуда и др., но культовое их предназначение практически никем не оспаривается.

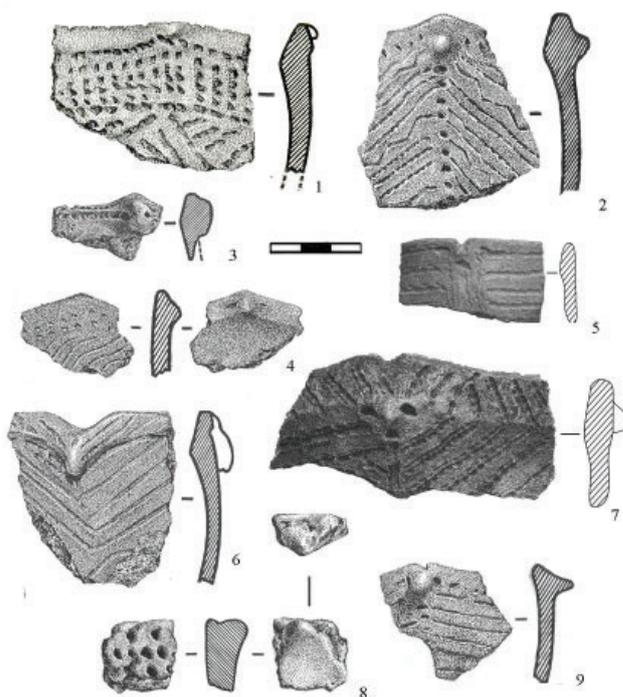
Не исключено использование в культовых целях и восьми глиняных предметов сферической и биконической формы. Один обломок в виде полусферы размером 4,5×4,0 см без орнамента (рис. 5: 2), другие 7 экз. орнаментированы. Среди них один обломок примерно трети

среди деревянных ковшей, ложек (Чаиркина, 2022, рис. 147–150, и др.).

В семантическом плане эти фигурные рельефные изображения обычно трактуются как зооморфные или орнитоморфные, редко антропоморфные. Но слабая проработка их деталей не позволяет точно определить, кто здесь представлен. Правда, орнитоморфные образы видны все же лучше. Это три артефакта, описанные выше (рис. 3: 8; 5: 3, 11). Изображения птицы в полете передано, скорее всего, также еще на двух сосудах, вдоль волнистого края горловины которых сформован (выдавлен) валик V-образной формы, заканчивающийся рельефным утолщением (рис. 3: 5; 4: 6). В этой связи интересно отметить, что орнитоморфная культовая символика присутствует на святилищах XIX–XX вв. коренного населения региона. Так, на мансийском святилище Халев-Ойки отмечено изображение в виде силуэта парящей птицы с добычей в клюве, вырубленное на оконечности жерди, которой придана антропоморфная форма. Помимо этого, на жердь раньше была насажена и объемная серебряная фигурка, изображающая чайку с расправленными крыльями (Гемуев,

Рис. 4. Керамика с фигурными налепами Кокшаровского холма.

Fig. 4. Pottery with relief plastics from Koksharovski Kholm.

его сферы диаметром около 5 см достоверно связан с ранненеолитическим кокшаровско-юринским комплексом, т. к. его орнамент полностью соответствует орнаментальным канонам именно этого населения (рис. 5: 1). Третий обломок, равный примерно половине изделия, имеет не сферическую, а биконическую форму. Его высота 3,4 см, максимальный диаметр, приходящийся на нижнюю треть высоты, равен примерно 3,5 см (рис. 5: 14). Изделие полностью орнаментировано тонкими прочерченными линиями-отрезками, нанесенными в виде вертикальных зигзагов или елочки. Дно же украшено горизонтальными отрезками. Подобная орнаментика ближе кокшаровско-юринской, нежели кошкинской. Четвертый артефакт, представленный двумя обломками, биконической формы, высотой 3 см, максимальным диаметром, приходящимся на нижнюю треть высоты изделия, 3,8 см. По максимальному диаметру его окружности нанесен горизонтальный желобок, от которого в меридиональном направлении в обе стороны к «полюсам» изделия прочерчены вертикальные линии (рис. 5: 5). К какой из культурных традиций неолитического населения Холма относить это изделие, сказать трудно, но она явно не гребенчатая полуденская. Пятый предмет, орнаментированный резными линиями, это слегка приплюснутый шарик диаметром около 3 см, имеющий отверстие в центре (рис. 5: 7). По наблюдению Ю.Б. Серикова, «...уже законченное изделие было наклеплено на палочку круглого сечения, затем палочку расшатала и вытащила» (Сериков, 2002, с. 131). Его орнаментальный декор близок как кокшаровско-юринскому, так и кошкинскому.

Еще три изделия представлены в обломках малых размеров, отчего определить точно форму и размер целых артефактов невозможно. Первый, скорее биконической формы, орнаментирован рядами тонкого четырехзубого гребенчатого штампа, направленными в разные стороны (рис. 5: 12). Гребенчато-штампованная орнаментация больше свойственна полуденской культуре. Два других обломка ближе по форме к округлым изделиям. Один из них орнаментирован наколами палочкой (рис. 5: 13), другой – прямыми линиями, выполненными палочкой в линейно-накольчатой технике (рис. 5: 9). Такой орнаментальный

декор использовали как кокшаровско-юринские, так и кошкинские коллективы.

Подобные глиняные артефакты сферической и биконической формы встречаются на памятниках археологии Северной Евразии нечасто. Нам известно, что один из них обнаружен в жилище 7 неолитического поселения Барсова Гора II/9 в Сургутском Приобье, датируемого VI – началом V тыс. до н. э. Это шаровидное изделие со сквозным отверстием (навершие?), расколовшееся пополам. По наибольшему диаметру (3,4 см) оно украшено пояском коротких резных вертикальных отрезков (Чемякин, 2020, с. 196, рис. 3: 18). Два орнаментированных изящными спиралевидными узорами глиняных шарика диаметром около 6–7 см связаны с комплексом малышевской культуры эпохи неолита на острове Сучу в низовьях Амура (Медведев, 2009, с. 42–44, рис. 1–4). Подобный несколько уплощенный артефакт размером 2,4×2,2 см, украшенный наколами, происходит с памятника Сахтыш ПА верхневолжской неолитической культуры Волго-Окского междуречья (Произведения изобразительного искусства..., 2007, с. 6, 22, № 7; Усанов, 2009). Неорнаментированный шарик диаметром около 4 см найден также на неолитической стоянке Ярлуковская Протока (пункт 222) на Верхнем Дону (Смольянинов, 2020, рис. 45, 6)⁴.

Вопрос о функциональном назначении данных предметов остается открытым. В них видят отражение солярного культа (Медведев, 2009, с. 48). Не исключают использование их в качестве каких-то ритуально-этнических (магических) маркеров; либо же они могли быть детскими игрушками (Смольянинов, 2020, с. 300), особенно те, что имеют отверстие под короткую палочку (Шорин, 2010, с. 41).

В то же время следует заметить, что подобные шарики все же отличны от так называемых глиняных погремушек примерно таких же размеров, но разных форм: шаровидной, биконической, в форме кувшина (сосудика) и даже в виде головы медведя – внутри их полых емкостей содержатся от 2 до 16 более мелких шариков. Они встречаются в России, Восточной Европе, Азии (Ближний Восток, Месопотамия, Анатолия), доколумбовой Америке на памятниках разных археологических эпох, от раннего неолита включительно, но гораздо чаще и в не единичных экземплярах – в Западной Европе и имеют разные варианты трак-

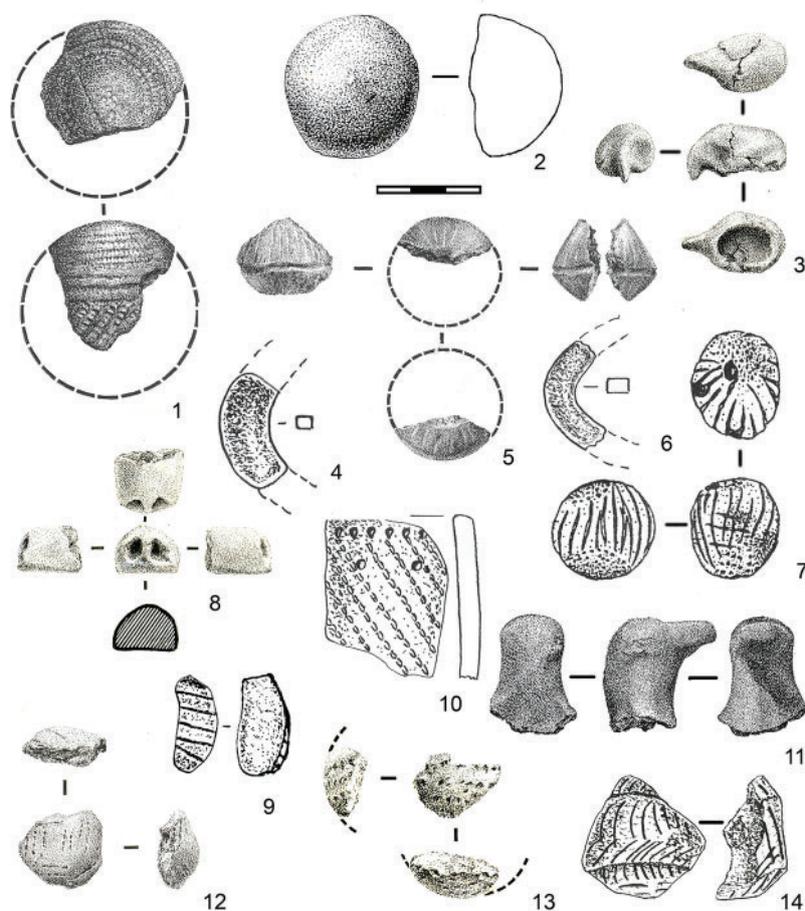

Рис. 5. Изделия из глины: 1, 2, 5, 7, 9, 12-14 – предметы сферической и биконической формы; 3 – мини-сосуд в форме птицы; 4, 6 – фрагменты колец; 8 – предмет неясного назначения; 10 – изделие с пришлифованными гранями; 11 – голова утки.

Fig. 5. Items, made of clay: 1, 2, 5, 7, 9, 12-14 – spherical and biconical shaped objects; 3 – mini-vessel in the shape of a bird; 4, 6 – fragments of rings; 8 – artefact of unclear purpose; 10 – item with polished faces; 11 – duck head.

товок их назначения, в том числе в качестве детских игрушек или артефактов, связанных с ритуальной практикой (Хвалынские энеолитические могильники..., 2010, с. 200–201; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 39, 118, № 71; Молодин и др., 2017; Сладкова, Кокшаров, 2022; 2023; Карманов, 2023а, с. 106–111, рис. 2, 3; 2023б, с. 63–64, рис. 1, 7).

К следующей категории артефактов, связь которых с ритуальной сферой большинство исследователей вполне допускают, относятся *поперечно-желобчатые изделия*, или «утюжки». Коллекция Кокшаровского холма и Юрьинского поселения представлена целым образцом и пятью сломанными изделиями (рис. 6: 1–4, 7, 8), упоминание о которых в литературе уже имеется (Шорин, 2010, с. 37–39, рис. 5: 1–4). Помимо них, сообщается еще о двух поперечно-желобчатых изделиях с

памятника, найденных при раскопках в середине XX в. (Усачева, 2013, с. 17, рис. 20, 11; с. 336–337, Приложение 5, № 322, 323).

В чем специфика «утюжков» анализируемого памятника.

Во-первых, они глиняные, тогда как в горнолесном Зауралье основная масса подобных изделий изготовлена из тальковых пород. Это выделяет данный памятник не только среди поселений Зауралья, но и во многом Старого Света в целом, т. к. по подсчетам И.В. Усачевой только 6,5% из всех известных ей в этом обширном регионе поперечно-желобчатых изделий изготавливалось из глины (Усачева, 2013, с. 34).

Во-вторых, их относительная массовость, т. к. на других памятниках они единичны.

В-третьих, среди них нет не одного «утюжка», орнаментированного техникой гребен-

чатого штампа, что позволяет предполагать ранний их возраст: в период обитания на памятнике кошкинских и кокшаровско-юринских групп населения, т. к. именно им была свойственна прочерченная и накольчатая (линейно- или отступающе-накольчатая) орнаментальная традиция. То есть эти артефакты демонстрирует начальный или во всяком случае один из начальных этапов в пределах второй половины VII–VI тыс. до н. э. проникновения в уральский регион с более южных территорий традиции изготовления этих неординарных предметов.

В-четвертых, только один обломок «утюжка» найден на территории Юринского поселения в 10 м от святилища, остальные в сакральной зоне памятника или в непосредственной близости от нее. Поэтому высока вероятность использования этих изделий в культовых целях. Тем более что за исключением целого образца они выполнены из формовочной массы низкого качества. Отмечается небрежность при изготовлении (скошенные желобки) и орнаментации (сбивчивый орнамент). Некачественная формовочная масса также может быть одной из причин фрагментарности найденных изделий. Хотя допускаем, что часть из них преднамеренно раскалывалась по желобку. Удар как форма культового действия и изменение статуса ритуального предмета в ходе культовых, особенно погребальных, церемоний – распространенная черта ритуальной практики архаичных и традиционных обществ. Но однозначно определить, каковы были эти культовые действия, вряд ли возможно. Заметим только, что проведенный трасологический анализ части образцов показал, что лишь на целом экземпляре зафиксированы следы использования – внутри желобка выявлены поперечные следы от вращательного движения (Алексашенко, 2004, с. 243).

Заканчивая характеристику поперечно-желобчатых изделий памятника, особо выделим еще два артефакта, оба из талька. Первый из них изготовлен из ноздреватого талькового камня. Это предмет ладьевидной (подромбической) в плане формы длиной 4,2 см, шириной в средней части 1,75 см, максимальной высотой в центре изделия 2,0 см. Основание его ровное, пришлифованное, боковые стороны, местами также пришлифованные, к верхней части сглажены. В середине верхней части каменным ножом прорезан неглубокое попе-

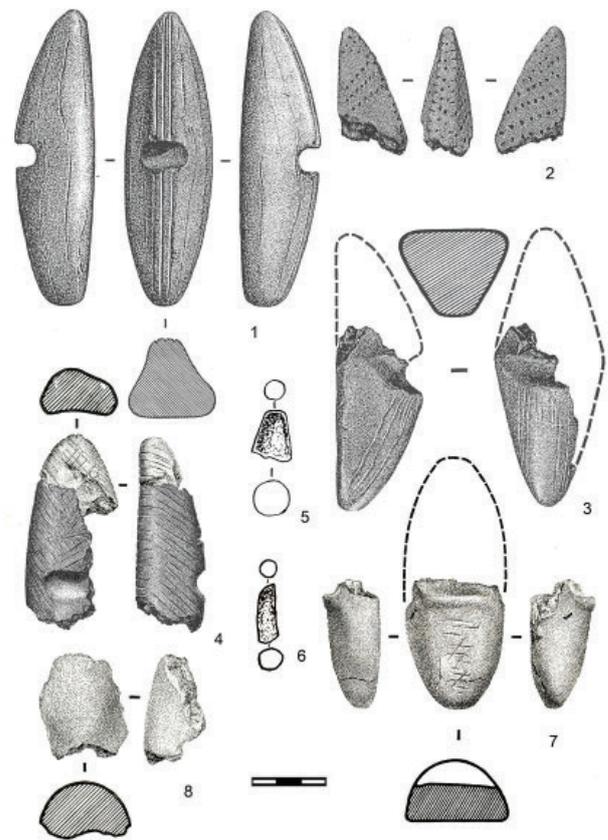

Рис. 6. Изделия из глины: 1-4, 7, 8 – «утюжки»; 5-6 – обломки стержней.

Fig. 6. Items, made of clay: 1-4, 7, 8 – cross-grooved objects; 5-6 – fragments of rods.

речный паз V-образной формы глубиной 3 мм – желобок (рис. 7: 3). Форма и поперечный желобок этого изделия не исключают возможности отнесения его к «утюжкам». Вряд ли этот миниатюрный артефакт имел производственное назначение, скорее его следует относить к категории votivных. Найден он в восточной части мыса между рвами 1 и 2 в 1 м к западу от кокшаровско-юринского культового объекта 7, правда в верхней части культурного слоя.

Второй артефакт – это тальковый стержень с насечками и поперечным желобком (рис. 7: 14), что свойственно «утюжкам». Его характеристика представлена при описании следующей категории изделий, обнаруженных на памятнике.

Эта категория условно названа нами *стержнями из талька с насечками или без* (рис. 7: 5, 12, 13). Их 17 экземпляров. Из них два целые, остальные в обломках. Последние представляют собой изделия с реконструируемыми для большинства размерами 9–11×1,6–

2,1×0,7–1,2 см. Они сегментовидной в плане и прямоугольной с приостренной одной из коротких граней (клиновидной) в сечении формы (рис. 7: 5, 12, 13, а также Шорин, 2010, рис. 3). Приостренная грань шести таких изделий покрыта насечками. Их три, четыре, дважды по 9 и 11. По мнению трасолога к.и.н. Е.Ю. Гири, они нанесены не металлическим инструментом, а залощенная поверхность, причем даже на изломах, может быть результатом длительного их ношения в какой-то мягкой емкости.

Самое большое количество насечек, 14, имеет артефакт, отличный от остальных формой (она близка прямоугольной как в плане, так и в сечении), размером (6×1–1,2×0,6–0,9 см) и особенно наличием поперечного желобка на короткой грани, противоположной орнаментированной (рис. 7: 14). Он занимает как бы промежуточное положение между стержнями с насечками и «утюжками», одновременно являясь и тем и другим.

Второе целое изделие – это плитка размером 12,1×2,3×1,0–1,1 см в незаконченной стадии обработки (Шорин, 2010, рис. 3: 6). Создается впечатление, что это брошенная по каким-то причинам, может быть из-за ярко выраженной слоистой (некачественной?) структуры талька, заготовка изделия, обозначенного нами как стержни с насечками и без.

Какие функции выполняли эти изделия, однозначного ответа нет. Но оригинальность их формы и длительный характер использования даже в обломках не исключает их применения в ритуалах, проводимых на святилище, связанных, может быть, с зарождающимися функциями учета и контроля в условиях появления избыточного продукта в конце каменного века: позднего неолита, энеолита.

Как предметы, использованные в культовой практике на святилище Кокшаровский холм, оцениваются еще три артефакта из камня. Первый, найденный вне слоя, – это сверленая каменная булава в виде стилизованной головы животного – медведя или бобра (рис. 7: 1). Размеры изделия 10×8,6 см, диаметр отверстия 2,2 см. Она могла использоваться как навершие жезла; хотя в литературе функциональное назначение этого артефакта определяется и в качестве молота (Сериков, 2002, с. 129). Второй, найденный в заполнении ранне-неолитического кошкинского культового объекта 12, – это обушковая часть сломанного

сланцевого шлифованного ножа серповидной формы длиной 3 см, оформленная в виде орноморфного изображения (рис. 7: 4). Третий, зафиксированный рядом с верхним заполнением кошкинского объекта 6, расположенного в сакральной зоне святилища, – это тальковый диск неправильной округлой формы размером 5,6–4,9 см и толщиной до 1,5 см (рис. 7: 2). Поверхности изделия неровные, но, как и стержни с насечками и без, несут на себе следы залощенности, скорее всего от длительного ношения в какой-то мягкой емкости (типа мешочка, чехла). В центре диска просверлено округлое отверстие диаметром 0,7 см. Следов постоянного вращения в нем нет. Скорее отверстие служило для фиксации предмета в статичном положении. Поэтому вряд ли это изделие было пряслицем. Но в каких ритуальных действиях оно могло быть использовано, неясно.

Вероятно, в ритуальных целях могла использоваться и часть кремневых и шлифованных наконечников стрел (рис. 7: 6–11), которых на памятнике найдено более 300 экземпляров. По численности эта коллекция в регионе уступает только Камню Дыроватому. Но там представлены не только каменные, но и металлические экземпляры, т. е. относящиеся к разным археологическим эпохам. На Холме же подавляющая часть этой коллекции неолитическая. В литературе неоднократно отмечалось, что у древних обществ семиотическое значение стрелы полисеманлично. В этнографии многих народов наконечники стрел вместе с луком (или их имитации) являлись важными прикладами-приношениями на святилище по случаю рождения в семье сына. Стрела могла выполнять и иные функции: оберега, медиатора между реальным и сакральным пространством, миром живых и миром мертвых, «оплодотворяющего мужского начала», «посланием, вестью, атрибутом посланника» и т. д. (см., например: Сериков, 2005, с. 71–86).

Связь еще ряда категорий находок из культурных слоев Холма с культовыми действиями возможна, но не очевидна. Это керамические кольца (целые или в обломках) разного диаметра (рис. 5: 4, 6,), изделия с пришлифованными гранями, выполненные на стенках сосудов (рис. 5: 10), обломок глиняного изделия неясного назначения размером 1,9×2,1×1,5 см; на уплощенном его кончике палочкой сделаны

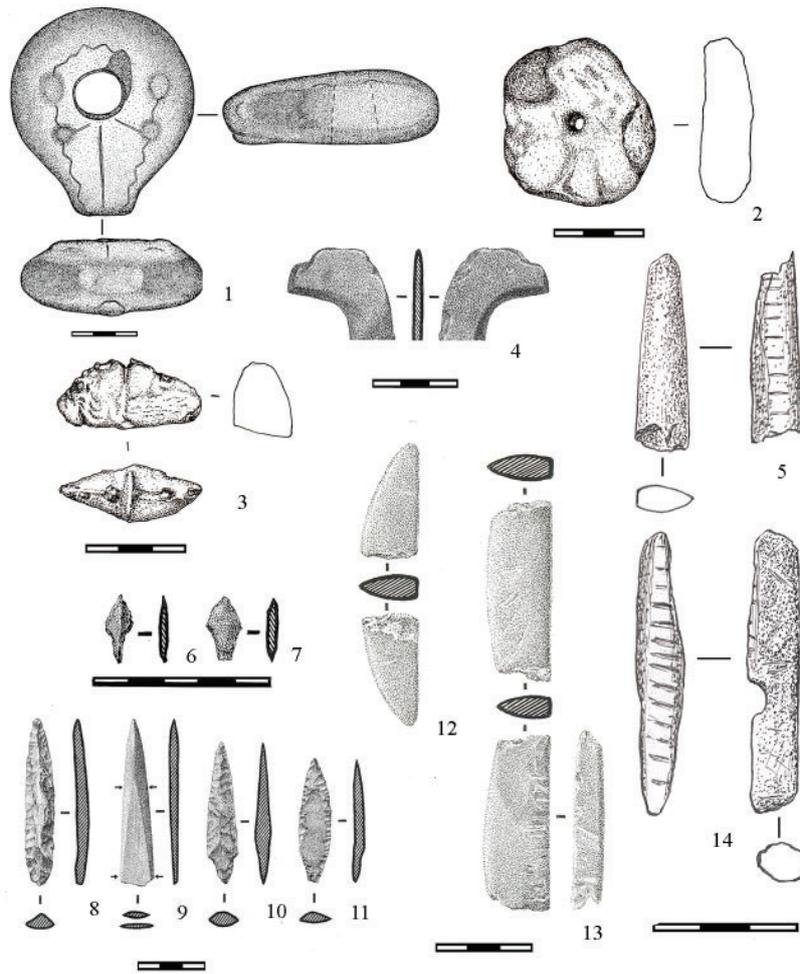

Рис. 7. Каменные изделия и инвентарь: 1 – сверленная булава в виде головы животного; 2 – тальковый диск (по Ю.Б. Серикову); 3 – тальковый «утюжок» (по Ю.Б. Серикову); 4 – обушковая часть сломанного шлифованного ножа серповидной формы; 5, 12, 13 – тальковые стержни; 6-11 – наконечники стрел; 14 – тальковый стержень или «утюжок».

Fig. 7. Stone item and inventory: 1 – a drilled mace in the shape of the head of animal; 2 – talc disk (according to Yu.B. Serikov); 3 – talc cross-grooved object (according to Yu.B. Serikov); 4 – back of a sickle-shaped broken polished knife; 5, 12, 13 – talc rods; 6-11 – arrowheads; 14 – talc rod or cross-grooved item.

два отверстия глубиной 7 мм, что вызывает ассоциации с пяточком животного из семейства свинных (рис. 5: 8), пряслица и диски без отверстия, у которых «функциональное и сакральное значение солярного орнамента и формы изделия слиты воедино» (Сериков, 2008, с. 11), и, по мнению этого автора, они являются солнечными символами.

Два невыразительных неорнаментированных обломка из глины наподобие стержней, расширяющиеся к обломанной части, длиной 2,1 и 2,4 см при диаметре от 1 до 1,5 и 0,6 до 1 см (рис. 6: 5, 6) вряд ли бы заслуживали особого внимания, если бы подобные артефакты в большом количестве были зафиксированы и в коллекции другого «жертвенного

холма» – Усть-Вагильского (Панина, 2015). Правда, если они были и задействованы, то в каких ритуалах, непонятно.

Описанные выше изделия мелкой пластики из глины и камня, особенно сильно фрагментированные, конечно же, не могут дать нам достаточной информации для их полной интерпретации. Однако находка их в культурных слоях святилища в большом количестве, чем единичные подобные артефакты в поселенческих комплексах, позволяет предполагать их культовую специфику. Хотя, безусловно, исключать и бытовое использование всех этих предметов не стоит.

В эпохи энеолита и бронзового века населением аятской и коптяковской культур терри-

тория памятника использовалась скорее не как культовая, а как поселенческая площадка, и культовые объекты этого периода здесь не отмечены.

Но во второй половине I тыс. н. э. на вершине Кокшаровского холма вновь функционировал культовый комплекс в виде прикладов-приношений, может быть не одноактовых (Шорин, Зыков, Вилисов, 2013). Эти приклады включали вооружение: бронзовые ножны, железные кинжалы, наконечник стрелы и нож (рис. 8), а также керамическую посуду батырской культуры (рис. 2: 3).

Таким образом, вероятно, что постепенно росший в неолите путем искусственных подсыпок Кокшаровский холм на протяжении долгого времени от раннего неолита до эпохи Средневековья воспринимался людьми как особая точка пространства. Безусловно, эта искусственно созданная священная гора органично вписывалась и в другой важный ландшафтный маркер, определивший первоначально выбор этой точки рельефа для создания святилища. Холм возник на ярко выраженном мысовидном выступе. Относительно широкая долина устья реки и вдающийся в озеро высокий мыс коренного берега открывали далеко просматриваемый и яркий пейзаж, в который было вписано святилище. Функции его, скорее всего, распространялись на обслуживание культовых ритуалов не только жителей Юрьинского поселения, но и по крайней мере жителей всех поселков на побережье озера, а может быть, и более широкой территориальной округи. То есть святилище могло быть межрегиональным (межплеменным). В этнографии угорских народов – манси, хантов –

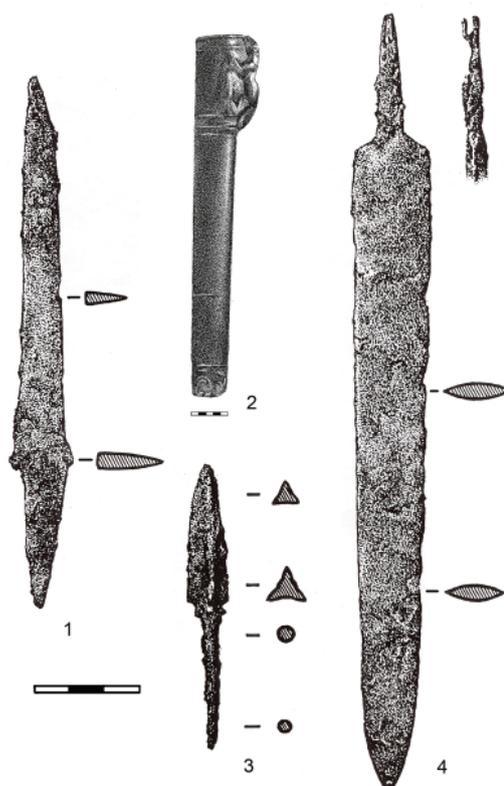

Рис. 8. Средневековый культовый комплекс: 1 – нож; 2 – ножны; 3 – наконечник стрелы; 4 – кинжал.

1, 3, 4 – железо; 2 – бронза.

Fig. 8. Medieval cultic assemblage: 1 – knife; 2 – scabbard; 3 – arrowhead; 4 – dagger. 1, 3, 4 – iron; 2 – bronze.

известны межрегиональные святилища, собиравшие в важнейшие календарные праздники население со значительной округи (Гемуев, Бауло, 1999, с. 171). Причем при малой плотности населения в таежной зоне эти расстояния до культового центра могли измеряться неделями и более пути.

Примечания:

¹ Подобные культовые постройки до сих пор сооружаются коренными народами Урала. Это сумьяхи манси, священные амбары, амбары духов, хижины богов-духов хантов, куалы удмуртов и т.д. (рис 1: а).

² Культурная принадлежность остальных фрагментов не определена.

³ Представительная коллекция, правда число подобных сосудов не указано, происходит с поселения эпохи энеолита Горный Самотнел-1 Приуральского района ЯНАО (Тупахина, Тупахин, 2018). На других памятниках, если подобные фрагменты с рельефными налестками и встречаются, но они, как правило, единичны.

⁴ Еще один слегка приплюснутый с обеих сторон маленький шарик, видимо, с каким-то небольшим значком на одной из плоскостей, найден в Игнатиевской пещере на западном склоне Южного Урала (Петрин, 1992. С. 138-139. Рис. 97, 5). Но он очень маленького размера (максимальный диаметр 1,5 см) и культурная принадлежность его не ясна. Поэтому он, скорее всего, имеет только формальное сходство с анализируемой категорией изделий.

ЛИТЕРАТУРА

Алексащенко Н.А. «Утюжки» под микроскопом // Культовые памятники горно-лесного Урала / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 239–254.

Гемуев И.Н. Святилище Халев-Ойки // Мировоззрение финно-угорских народов / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск: Наука. 1990. С. 78-91.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховий Северной Сосьвы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

Карманов В.Н. «Колобки» лесного неолита: керамические поделки охотников-собирателей северо-востока Европы (республика Коми, Россия) // *Stratum Plus*. 2023а. № 2. С. 105-118.

Карманов В.Н. Керамические поделки неолита, бассейн реки Вычегды // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века / Отв. ред. А.А. Выборнов, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач, Д.А. Сташенков. Самара-СПб.: ИИМК РАН, 2023б. С. 62-64.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Том 2. Перевод с немецкого и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Томский ун-тет, 1995. 284 с.

Лар Л.А. Культурные памятники Ямала. Хэбидя Я. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2003. 173 с.

Медведев В.Е. Глиняные шары с острова Сучу – материальные сакральные символы эпохи неолита // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2009. № 3 (39). С. 41–49.

Молодин В.И., С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковырина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XVII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 206–211.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Глиняная «погремушка» в виде головы медведя и варианты ее использования носителями кротовской культуры (эпоха бронзы, конец III тыс. до н.э., Барабинская лесостепь) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 49. С. 16-22.

Носкова Л.В., Шорин А.Ф. Скульптурные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма // *Миф и символ в прошлом и настоящем* / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. С. 22–27, 143–154.

Панина С.Н. Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. I / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 330–333.

Панина С.Н. Культурная пластика из раскопок Усть-Вагильского холма // *Тверской археологический сборник*. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 479–489.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.

Произведения изобразительного искусства VI–III тыс. до н.э. из собрания Археологического музея ИВГУ. Каталог / сост. Е.Л. Костылева, А.В. Уткин. Иваново: Типография Икс-Пресс, 2007. 41 с.

Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала. // *ВАУ*. Вып. 24 / Отв. ред. В. Т. Ковалева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. С. 127–151.

Сериков Ю.Б. К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом // *Проблемы археологии и древней истории Урала* / Ред. Ю.Б. Сериков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. С. 71-86.

Сериков Ю.Б. Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах // *Народы и религии Евразии*. 2008. № 2. С. 11–31.

Сладкова Л.Н., Кокшаров С.Ф. Керамическая погремушка с поселения Олымья IV (бронзовый век) // *XXII Уральское археологическое совещание* / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Курганский университет, 2022. С. 138–139.

Сладкова Л.Н., Кокшаров С.Ф. Керамическая погремушка бронзового века с поселения Олымья IV (север Западной Сибири) // *Stratum Plus*. 2023. № 2. С. 119–132.

Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк, Саратов: Десятая Муза, 2020. 400 с.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог / Сост. А.Б. Агаркова, А.Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Поселения эпохи энеолита Горный Самотнел-1: материалы и исследования. Салехард: Научный центр изучения Арктики, 2018. 150 с.

Усанов Е.Н. Диалог культур – 100 веков: Мезо-неолитический орнамент (10–4 тыс. лет) центральной части Волго-Окского междуречья в контексте формирования протописьменности. Владимир: Реко, 2009. 84 с.

Усачева И.В. «Утюжки» Евразии. Новосибирск: Наука, 2013. 352 с.

Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010584 с.: ил.

Чаиркина Н.М. Торфяниковые памятники Урала, Восточной и Западной Европы. СПб.: Нестор-История, 2022. 368 с.: ил.

Чемякин Ю.П. Неолитический комплекс поселения Барсова Гора II/9 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 7. С. 191–202.

Шорин А.Ф. История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной) / Отв. ред. М.П. Вохменцев. Курган: Курган гос. ун-т, 2007. С. 30–42.

Шорин А.Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. №1(26). С. 32–42.

Шорин А.Ф., Зыков А.П., Вилисов Е.В. Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье) // РА. 2013. №1. С. 119–129.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Кокшаровский холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 15–24.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 97–107.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Энеолитический комплекс памятника археологии «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение» и начало эпохи энеолита в Зауралье // РА. 2021. № 3. С. 37–51.

Andrescu R.-R., Cătălin Lazăr C., Igt T., Moldoveanu K. The Eneolithic Settlement and Necropolis of Sultana-Malu Roșu (Southern Romania) // Златного пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София: Национален археологически институт и музей - БАН, 2011. С. 129–142.

Hepp G.D. Formative period ceramic figurines from the lower Rio Verde Valley, Coastal Oaxaca, Mexico. Tallahassee, 2007. 258 с.

Информация об авторах:

Шорин Александр Фёдорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия); shorin_af@mail.ru.

Шорина Анастасия Александровна, научный сотрудник; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Россия); aashor@mail.ru

REFERENCES

Aleksashenko, N. A. 2004. In Viktorova, V. D. (ed.) *Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala (Cultic archaeological sites of the mountain forest Urals)*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 239–254 (in Russian).

Gemuev, I. N. 1990. In Gemuev, I. N. (ed.) *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov (World outlook of the Finno-Ugric peoples)* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 78–91 (in Russian).

Gemuev, I. N., Baulo, A. V. 1999. *Svyatilishcha mansi verkhoviy Severnoy Sos'vy (Mansi sanctuaries in the upper part of Northern Sosva)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Karmanov, V. N. 2023. In *Stratum Plus* (2), 105–118 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2023. In Vybornov, A. A., Kolpakov, E. M., Tkach, E. S., Stashenkov, D. A. (eds.). *Iskusstvo i pogrebal'ny' obryad pozdnego kamennogo veka (Art & Burial Practices In Late Stone Age)*. Samara; Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 62–64 (in Russian).

Karyalainen, K. F. 1995. *Religiya yugorskikh narodov (Religion of the Yugra peoples) 2*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Lar, L. A. 2003. *Kul'tovye pamyatniki Yamala. Khebidya Ya (Cultic archaeological sites of Yamal. Khebidya Ya)*. Tyumen Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Medvedev, V. E. 2009. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 39 (3), 41–49 (in Russian).

Molodin, V. I., S., Mylnikova, L. N., Nagler, A., Kobeleva, L. S., Durakov, I. A., Efremova, N. S., Novikova, O. I., Nesterova, M. S., Nenakhov, D. A., Kovyreshina, Yu. N., Mosechkina, N. N., Vasilieva, Yu. A. 2011. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 17. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 206–211 (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Nesterova, M. S. 2017. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii (Bulletin of the Tomsk State University: History)* (49), 16–22 (in Russian).

Noskova, L. V., Shorin, A. F. 2007. In Ryzhkova, O. V. (ed.). *Mif i simvol v proshlom i nastoyashchem (Myth and symbol in the past and present)*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy, 22–27, 143–154 (in Russian).

Panina, S. N. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 330–333 (in Russian).

Panina, S. N. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 10. Tver: "Triada" Publ., 479–489 (in Russian).

Petrin, V. T. 1992. *Paleoliticheskoe svyatilishhe v Ignatievskoy peshhere na Yuzhnom Urale (Paleolithic Sanctuary in Ignatievskaya Cave in the Southern Urals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. (comp.). 2007. *Proizvedeniya izobrazitel'nogo iskusstva VI–III tys. do n.e. iz sobraniya Arkheologicheskogo muzeya IvGU (Fine art works of the VI–III millennium BC from the collection of the Archaeological Museum of Ivanovo State University)*. Ivanovo: "LLC Printing House X-Press" Publ. (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2002. In Kovaleva, V. T. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 24. Ekaterinburg: Ural State University, 127–151 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2005. In Serikov, Yu. B. (ed.) *Problemy arkheologii i drevney istorii Urala (Issues of archaeology and ancient history of the Urals)*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy, 71–86 (in Russian).

Serikov, Yu. B. 2008. In *Narody i religii Evrazii (Nations and Religion of Eurasia)* 2, 11–31 (in Russian).

Sladkova, L. N., Koksharov, S. F. 2022. In Maslyuzhenko, D. N. (ed.) *XXII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (22nd Ural Archaeological Conference)* Kurgan: Kurgan State University, 138–139 (in Russian).

Sladkova, L. N., Koksharov, S. F. 2023. In *Stratum Plus* (2), 119–132 (in Russian).

Smolyaninov, R. V. 2020. *Early Neolithic of the Upper Don*. Lipetsk, Saratov: "Desyataya Muza" Publ. (in Russian).

Agarkova, A. B., Trufanov, A. Ya. (comp.). 2011. *Surgutskii kraevedcheskii muzei. Arkheologicheskoe sobranie: katalog (Surgut Museum of Local History. Archaeological Collection: Catalog)*. Ekaterinburg-Surgut: "Magellan" Publ. (in Russian).

Tupakhina, O. S., Tupakhin, D. S. 2018. *Poseleniya epokhi eneolita Gornyy Samotnel-1: materialy i issledovaniya (Eneolithic Era settlements of Gornyy Samotnel-1: materials and research)*. Salekhard: State Public Institution Yamalo-Nenets Autonomous Okrug "Scientific Center for Arctic Studies" (in Russian).

Usanov, E. N. 2009. *Dialog kul'tur – 100 vekov: Mezo-neoliticheskii ornament (10-4 tys. let) tsentral'noy chasti Volgo-Okskogo mezhdurech'ya v kontekste formirovaniya protopis'mennosti (Dialogue of cultures - 100 centuries: Meso-Neolithic ornament (10-4 thousand years) of the central part of the Volga-Oka interfluvium in the context of the formation of proto-writing)*. Vladimir: "Reko" Publ. (in Russian).

Usacheva, I. V. 2013. «Utyuzhki» Evrazii («Cross-grooved objects» of Eurasia) Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Agapov, S. A. (ed.). 2010. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura. Issledovaniya materialov (Khvalynsky Eneolithic Burial Grounds and Khvalynsk Eneolithic Culture. Studies of Materials)*. Samara: "Povolzh'e" Publ. (in Russian).

Chairkina, N. M. 2022. *Torfyanikovye pamyatniki Urala, Vostochnoy i Zapadnoy Evropy (Peat monuments of the Urals, Eastern and Western Europe)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

Chemyakin, Yu. P. 2020. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 19 (7), 191–202 (in Russian).

Shorin, A. F. 2007. In Vokhmenetsev, M. P. (ed.). *Problemy arkheologii: Ural i Zapadnaia Sibir' (k 70-letiiu T.M. Potemkinoi (Issues of Archaeology: the Urals and Western Siberia (Dedicated to the 70th Anniversary of T.M. Potemkina))*. Kurgan: Kurgan State University, 30–42 (in Russian).

Shorin, A. F. 2010. In *Ural'skiy istoricheskii vestnik (Ural Historical Journal)* 26 (1), 32–42 (in Russian).

Shorin, A. F., Zыkov, A. P., Vilisov, E. V. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 119–129 (in Russian).

Shorin, A. F., Shorina, A. A. 2016. In *Ural'skiy istoricheskii vestnik (Ural Historical Journal)* 53 (4), 15–24 (in Russian).

Shorin, A. F., Shorina, A. A. 2018. *Ural'skiy istoricheskii vestnik (Ural Historical Journal)* 60 (3), 97–107 (in Russian).

Shorin, A. F., Shorina, A. A. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 37–51 (in Russian).

Andreescu, R.-R., Cătălin Lazăr, C., Igt, T., Moldoveanu, K. 2011. In *Zlatoto peto khilyadoletie. Trakiya i s"sednite rayoni prez kamenno-mednata epokha (Golden Age. Trakia and the neighboring regions are the stone-copper era)*. Sofia: National Archaeological Institute and Museum – BAS, 129–142 (in English).

Hepp, G.D. 2007. *Formative period ceramic figurines from the lower Rio Verde Valley, Coastal Oaxaca, Mexico*. Tallahassee (in English).

About the Authors:

Shorin Alexander F., Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; shorin_af@mail.ru.

Shorina Anastasia A., Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Sofia Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation; aashor@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу